

Philologica russica et speculativa tomus VII

М. И. ШАПИР

UNIVERSUM VERSUS

ЯЗЫК — СТИХ — СМЫСЛ
в русской поэзии XVIII—XX веков

Книга вторая

Языки славянской культуры

Москва 2015

УДК 80/81
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Ш 23

Издание подготовлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
Проект № 15-04-16115

Ш 23 Шапир М. И.

Universum versus: Язык — стих — смысл в русской поэзии XVIII—XX веков / Под ред. А. С. Белоусовой и В. С. Полиловой, при участии С. Г. Болотова и И. А. Пильщикова. — М.: Языки славянской культуры, 2015. — Кн. 2. — XXII, 586 с., 1 л. портр. — (Philologica russica et speculativa; Т. VII).

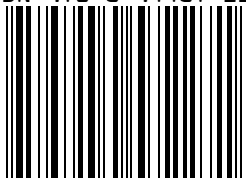
ISBN 978-5-94457-227-1

Вторую книгу монографии М. И. Шапира (1962–2006) составили исследования по истории русского стихотворного языка XVIII—XX вв., а также по истории русского стиховедения и лингвистической поэтики (от Московского лингвистического кружка до наших дней). На материале произведений Ломоносова, Пушкина, В. Хлебникова, О. Мандельштама, В. Маяковского, Б. Пастернака, Д. Хармса, А. Твардовского, И. Бродского, Д. А. Пригова, Т. Кибирова и др. автор исследует взаимоотношения языка, стиха и смысла и развитие русской стиховой культуры. В приложение включены статьи М. И. Шапира, непосредственно примыкающие по своему содержанию к теме монографии, а также полная библиография его опубликованных работ.

УДК 80/81

ББК 83.3 (2Рос=Рус)

ISBN 978-5-94457-227-1

9 785944 572271 >

- © М. И. Шапир (наследники), 2015
- © Языки славянской культуры, 2015
- © М. В. Акимова, статьи, 2015
- © А. С. Белоусова, статьи, 2015
- © И. А. Пильщиков, статьи, 2015
- © В. С. Полилова, статьи, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

UNIVERSUM VERSUS

О настоящем издании	vii
<i>М. В. Акимова, И. А. Пильщиков</i>	
М. И. Шапир: штрихи к портрету	xi

Часть III. История (XVIII, XIX и XX век)

В поисках незнакового языка (Звук и смысл в поэзии раннего Хлебникова)	3
1. О «звуко-символизме» у раннего Хлебникова («Бобэоби пелись губы...»: фоническая структура)	3
2. Об одном анаграмматическом стихотворении Хлебникова (К реконструкции «московского мифа»)	10
Символическая заумь Фёдора Сологуба: между ложью и фантазией	18
Псевдобиблейские квазиантропонимы в авангардном поэтическом тексте	26
Время и пространство в поэтическом языке Мандельштама (С примечаниями Е. П. Сошкина)	33
Русская тоника и старославянская силлабика: Вл. Маяковский в переводе Р. Якобсона	46
К семантике «пародического балладного стиха» («Солнце» Маяковского в тени Баркова)	62
Эстетика небрежности в поэзии Пастернака (Идеология одного идиолекта)	100
Между грамматикой и поэтикой (О новом подходе к изданию Даниила Хармса)	145
Данте и Тёркин «на том свете» (О судьбах русского бурлеска в XX веке)	151

Содержание

Три реформы русского стихотворного синтаксиса (Ломоносов — Пушкин — Иосиф Бродский)	166
О пределах длины стиха в верлибре (Д. А. Пригов и другие)	237
Семантические лейтмотивы иронии-комической октавы (Байрон — Пушкин — Тимур Кибиров)	257

Часть IV. История науки

«Грамматика поэзии» и ее создатели (Теория «поэтического языка» у Г. О. Винокура и Р. О. Якобсона)	327
М. М. Кенигсберг и его феноменология стиха	346
«...Домашний, старый спор...» (Б. И. Ярхо против Ю. Н. Тынянова во взглядах на природу и семантику стиха)	384
Проблема границы стиха и прозы в свете лингвистического учения Р. О. Якобсона	389
«Семантический ореол метра»: термин и понятие (Историко-стиховедческая ретроспекция)	395
Гаспаров-стиховед и Гаспаров-стихотворец: Комментарий к стиховедческому комментарию	405

Приложения

Из «Литературной энциклопедии терминов и понятий»	441
Литературный язык	441
Язык художественной литературы	447
Московский лингвистический кружок (МЛК)	456
Contra philologiam: Лингвистическое и идеологическое в книге М. М. Бахтина и В. Н. Володинова «Марксизм и философия языка» (Текст подготовил к печати и снабдил примечаниями И. А. Пильщиков)	459
А. С. Белоусова, В. С. Полилова Ненаписанная статья М. И. Шапира о «стихах на карточках» Льва Рубинштейна	483
Список опубликованных работ М. И. Шапира (1986–2015)	496
Библиография	511
Именной указатель	567

ПСЕВДОБИБЛЕЙСКИЕ КВАЗИАНТРОПОНИМЫ В АВАНГАРДНОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Дмитрий Александрович Пригов в 1986 г. сочинил такое стихотворение:

Среди древних лесов
И бескрайних российских равнин
Сошлись ДОСААФ
И другой — ОСОАВИАХИМ
Сошлись в небесах
Пуская губительный дым
Один — ДОСААФ
И другой — ОСОАВИАХИМ
Когда же набегом лихим
Погиб ОСОАВИАХИМ
Над ним ДОСААФ зарыдал —
В нем он брата родного, родимого брата узнал

(Пригов 1997, 114) ¹

В этом стихотворении явственно ощутима эпическая архаика, на которую читателя настраивает уже самая первая строка (*Среди древних лесов...*). Прежде всего стилистический эффект достигается средствами семантики: Пригов эксплуатирует библейский архетип (Каин и Авель — брат, убивающий брата), а также распространенный эпический мотив узнавания близкого родственника в поверженном противнике. Кроме того, участники поединка по воле автора напоминают сказочных героев — огнедышащих змеев или драконов (*Сошлись в небесах // Пуская губительный дым...*) ².

Помимо сюжета и образов, налет архаики создается с помощью языка. В этой связи обращает на себя внимание, во-первых, граммема множественного числа:

сошлись **в небесах**, а не *в небе* (своими коннотациями данная форма способна вызвать ассоциацию с библейским *небесным воинством*). Во-вторых, сюда относится творительный времени, в наши дни почти вышедший из употребления (*Когда же набегом лихим // Погиб ОСОАВИАХИМ...*): в современном русском языке эта падежная семантика сохранилась лишь у слов, обозначающих время года или время суток (*ранним утром, душевной ночью, прошлым летом, поздней осенью...*), да еще у существительного *время* в составе устойчивого сочетания *тем временем*. Возможно, однако, что у Пригова — не *instrumentalis temporalis*, а *instrumentalis causalis*, но сути дела это не меняет: любые конструкции с творительным причины (вроде *умереть родами*) воспринимаются сегодня как устаревшие.

Таким образом, в архаизации языка участвует грамматика и, на первый взгляд, совсем не участвует лексика. Но мне кажется, что в контексте приговского стихотворения роль псевдобиблеизмов принимают на себя советские аббревиатуры *ДОСААФ* и *ОСОАВИАХИМ*. Происходит это из-за их буквенно-фонетического облика, который делает их похожими на имена библейских царей, патриархов и даже Всевышнего. В самом деле, слово *ДОСААФ* по набору фонем и их расположению очень созвучно имени *Саваоф* (1 Цар 1: 3, 11, 20 и др.; всего более 270 раз): те же три слога, конечный — ударный, зияние между двумя последними гласными и совпадающие *а, а, о, с, ф* (иначе говоря, по своему составу эти имена различаются только наличием/отсутствием одного согласного *в*)³. Далее, внутри слова *ДОСААФ* выделяется цепочка «гласный + *саа* + согласный», которая фонетически сближает его с именем *Исаак* (Быт 17: 19, 21 и др.; всего более 120 раз). И наконец, *ДОСААФ* «рифмуется» с библейскими персонажами, чьи прозвания оканчиваются на *-саф*: *Асаф* (4 Цар 18: 18, 37 и др.; всего более 40 раз), *Елиасаф* (Чис 1: 14, 2: 14, 3: 24, 7: 42, 47, 10: 20), *Евиасаф* (1 Пар 6: 23, 9: 19) и даже *Авиасаф* (Исх 6: 24; 1 Пар 6: 37); не говорю уже о звукосочетании *-саф-* внутри слова, как, например, в имени *Иосафат* (2 Цар 8: 16, 20: 24 и др.; всего более 70 раз).

Евиасаф и тем более *Авиасаф* созвучны не только с *ДОСААФ*ом, но и с *ОСОАВИАХИМ*ом. Компонент *авиа-* к тому же присутствует в имени *Авиафар* (1 Цар 22: 20—22 и др.; всего более 30 раз), а в книге Судей упомянут *Авиноам* (Суд 4: 12, 5: 1, 12). Финальная часть аббревиатуры *-АВИАХИМ* в своем звучании имеет много общего с именем *Иоаким*, или в греческой транскрипции *Иоаким* (4 Цар 23: 34—36 и др.; всего более 50 раз); ср. также имена, оканчивающиеся на слог *-хим*, такие, как *Нафтухим* и *Каслухим* из книги Бытия (см. Быт 10: 13—14; 1 Пар 1: 11—12). Еще можно вспомнить библейские антропонимы *Ахиноам*, *Ахимаац* (1 Цар 14: 50), *Ахимаас* (2 Цар 15: 27, 36 и др.; всего 15 раз) и т. п.: все они содержат зияния и компонент *-хим-* или *-хин-*.

Вообще надо сказать, что некоторые имена в Священном Писании прямо располагают к тому, чтобы мы в них увидели композиты: *Савтех*, например, раскладывается на части, омофоничные стандартным сокращениям от прилагательных *советский* и *технический* (Быт 10: 7; 1 Пар 1: 9).

Дело, впрочем, не в одной фонетике. *Саваоф* перекликается с *ДОСААФом* — организацией, оказывающей содействие армии, авиации и флоту, — не только по звуку, но и по смыслу: этимологически имя Бога-Вседержителя видимо связано с ивритской формой множественного числа לְיָמֵי צָבָה (*šəbāḏōt*) 'армии, воинства'. Созданию ветхозаветного колорита много способствует также указание на родство: *ОСОАВИАХИМ*, брат *ДОСААФа*. Приведу взятые наудачу примеры скопления собственных имен, которые содержат зияния и принадлежат персонажам, находящимся в близкородственных отношениях: «...Ахимаас, сын Садока, и Ионафан, сын Авиафара...» (2 Цар 15: 36, ср. 27); «...Ахиноамь, дочь Ахимааца...» (1 Цар 14: 50); «И воцарил царь Египетский над Иудеею и Иерусалимом Елиакима, брата его, и переменял имя его на Иоакима, а Иоахаза, брата его, взял Нехао и отвел его в Египет» (2 Пар 36: 4).

Кстати, новое имя принял не только Елиаким (4 Цар 23: 24; 2 Пар 36: 4): Аврам стал называться Авраамом (Быт 17: 5), Сара — Саррой (Быт 17: 15), Иаков — Израилем (Быт 32: 28, 35: 10; 4 Цар 17: 34), Осия — Иисусом (Чис 13: 17), Ноемиль — Марою (Руфь 1: 20), Матфания — Седекией (4 Цар 24: 17), Даниил — Валтасаром (1: 7; 2: 26, 4: 5, 5: 12, 10: 1), Антиох — Евпатором (1 Мак 6: 17) и т. д. По всей видимости, перемена имени тоже входит в число библейских мотивов у Пригова: *ДОСААФ* получился из *ОСОАВИАХИМа* в результате цепочки переименований. *ОСОАВИАХИМ* (то есть Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству) возник в 1927 г. и просуществовал до 1948-го, когда на его основе были образованы *ДОСАРМ*, *ДОСАВ* и *ДОСФЛОТ*. В августе 1951 г. все три организации объединились во Всесоюзное добровольное общество содействия армии, авиации и флоту — *ДОСААФ*. Поэтому, опуская «ненужные подробности», можно сказать, что *ОСОАВИАХИМ* прекратил свое существование (*погиб*), уступив место *ДОСААФу*, чье близкое родство с *ОСОАВИАХИМом* и сходство социальных функций позволило поэту метафорически представить их как братьев, в результате чего аббревиатуры стали квазиантропонимами.

Любопытно, что история переименований могла бы дать материал для более замысловатой мифологии, чем та, которую находим у Пригова. В сокращении *ОСОАВИАХИМ* прочитываются фрагменты пяти производящих основ: от слов *Общество содействия обороне* осталось по одной букве, от *химической*

промышленности — три, а от *авиационной* — четыре. В этом смысле композит иконичен: наибольшее значение имела та сторона деятельности ОСОАВИАХИМа, что была связана с авиацией и воздухоплаванием. Именно ее имеет в виду автор стихотворения, ибо повествует о небесной битве. Авиационную составляющую ОСОАВИАХИМа унаследовал ДОСАВ — Добровольное общество содействия авиации. Волею случая не только формально, но и по сути ДОСАВ и ДОСААФ соотносятся как Аврам и Авраам: «...не будешь ты больше называться Аврамом, но будет тебе имя: Авраам, ибо Я сделаю тебя отцом множества народов; и весьма, весьма распложу тебя...» (Быт 17: 5—6). Имени Аврам, что значит 'отец возвысился', соответствует ДОСАВ, занимавшийся только авиацией; в свою очередь, Авраам 'отец многих' образует коррелятивную пару с ДОСААФом, вместе с авиацией взявшим под опеку еще армию и флот. Во время этих реорганизаций Пригов учился в средней школе и, несомненно, о них слышал; в тексте, однако, они никак не отразились, но, возможно, сформировали подтекст.

Переосмысление аббревиатуры как имени ветхозаветного персонажа имеет прецедент в русском классическом авангарде. Если о библейском происхождении летучих героев Пригова нам приходится лишь догадываться, то Маяковский в стихотворении «Юбилейное» (1924) не скрывает, что в священных книгах евреев и в вывеске Кооператива сахарной промышленности ему видятся разные лики одной и той же поэзии звуков:

Нами
     лирика
         в штыки
             неоднократно атакована,
ищем речи
     точной
         и нагой.
Но поэзия —
     пресволочнейшая штуковина:
существует —
     и ни в зуб ногой.
Например
     вот это —
         говорится или блеется?
Синемордое,
     в оранжевых усах,
Навуходоносором
     библейцем —
«Коопсах».

(Маяковский 1955–1961, 6: 49)

ты в дерметфак) проектировалась трансформирующаяся мебель: кресла-кровати, шкафы-столы и т. п. (см. Хан-Магомедов 1995, 366, 371–387).

Что же до второго квазикомпозита (*Умслопогас*), то его «внутренняя форма» устроена так, будто она родилась в результате компрессии знаменитой строки Некрасова: *Какой светильник разума угас!* («Памяти Добролюбова», 1864). «Внушающее мысль об угасании ума» (Чуковский 1962, 88), это слово — идеальный негатив Наркомпроса: он несет в умы свет, а *Умслопогас* — тьму. Конечно, Вхутемас не состоял при Наркомпросе, как Фортинбрас — при *Умслопогасе*, но художник Андрей Гончаров вспоминал, что «работа во Вхутемасе шла в тесном контакте с Наркомпросом»⁵. Да и основан был этот рассадник левого искусства по решению ИЗО Наркомпроса — взамен закрытой Академии художеств (ср., например, Вейдле 1994, 583).

В ряду антропонимов, превратившихся в сложносокращенные названия учреждений, библейское *Валтасар* тоже легко принять за аббревиатуру. То, что имя его носит какая-то организация (*Фортинбрас при Умслопогасе им. Валтасара*), не должно нас сбивать с толку: называть одну организацию именем другой было в обычае того времени. Так, с 1923 г. существовал Театр им. МГСПС, то есть Московского городского совета профессиональных союзов. И звучит *Валтасар* ничуть не менее «аббревиатурно», чем какой-нибудь, скажем, *Всерабис* — Всероссийский профсоюз работников искусства. Косвенно в пользу такого понимания свидетельствует реплика великого комбинатора: «А мне не понравилось, — сказал Остап, — в особенности то, что мебель у них каких-то мастерских Вогопаса» (Ильф, Петров 2004, 304). *Вогопас*, заместивший Валтасара, — это, как объяснил Ю. К. Щеглов, перевернутая (то есть разъятая на буквы, словно в композите) фамилия заглавного героя из рассказа Аверченко «Городовой Сапогов». При этом по звучанию *Вогопас* почти совпадает с именем собственным *Волопас*, составленным из разных корней.

Увидеть третий композит в наименовании древесных мастерских мы можем, несмотря на то что *Валтасар* в тексте романа, вполне возможно, сохраняет смысловую связь с Книгой пророка Даниила, где рассказывается, как «вышли персты руки человеческой и писали против лампы на извести стены» (Дан 5: 5). Ю. К. Щеглов высказал догадку, что имя вавилонского царя — это намек на пристрастие Мейерхольда к световым экранам, «на которых появлялись названия эпизодов, агитплакаты и лозунги» (Щеглов 1990, 300). Вполне возможно. Но ведь и Фортинбрас привлек авторов романа не только фонетикой своего имени, но и семантикой. Ссылаясь на «коронную реплику» Фортинбраса: «Уберите трупы! Среди поля битвы мыслимы они», — М. Каганская и З. Бар-Селла (1984, 54)

предположили, что древесные мастерские, помимо мебели, изготавливали еще гробы. Ю. К. Цеглов развил эту мысль и задался вопросом, «не следует ли характеризовать весь спектакль театра Колумба как „гроб с музыкой“» (1990, 300).

Во избежание недоразумения хочу прояснить свою позицию: толковать *Валтасара* как квазиаббревиатуру допустимо, но совершенно не обязательно⁶. Однако если толкование справедливо (а исключить этого, кажется, нельзя), тогда древесные мастерские им. Валтасара, составив параллель с Навуходоносором-Коопсахом, войдут в длинный ряд аллюзий на Маяковского, каких в «Двенадцати стульях» рассыпано великое множество. Не увидеть в этом пародию будет столь же трудно, как в «сложносокращенном» названии рассказа Ильфа и Петрова «Клооп» (1931), который, хотели того авторы или нет, не может не соотноситься с названием комедии, поставленной на сцене театра Мейерхольда.

Примечания

¹ Цитируется с исправлением самоочевидной опечатки в 7-м стихе.

² Сказанного нисколько не отменяет тот факт, что приговские стихи явно пародируют жесткий романс «Есть в Батавии (варианты: в Италии, в Баварии, в Кастилии...) маленький дом...» — это история про оборванца, который убил матроса *из-за пары распущенных кос*: <...> *В нем он брата родного узнал, // Оборванец босой зарыдал.* 3-стопными анапестами фольклорной песни навеян также размер стихотворения, а именно переходная метрическая форма от разностопного к вольному трехстопнику с нулевой анакрусой (в пяти случаях из шести четные стихи длиннее нечетных, а первые два строфоиды обнаруживают регулярное чередование 2-стопных и 3-стопных строк).

³ Разумеется, никаких зияний в иврите нет (если не считать *patah furtivum*); они появляются в греческой транскрипции, потом в латинской и во всех новоевропейских. Здесь и далее принимается в расчет главным образом русская Библия: стихотворение Пригова ориентировано на нее.

⁴ Не случайным может быть то, что слова *Коопсах* и *ДОСААФ* образуют неточную рифму, допустимую в поэтике Пригова: Маяковский рифмует *в усах* : *Коопсах*, Пригов — *в небесах* : *ДОСААФ*.

⁵ Из заметки А. Гончарова «Вхутемас» (1967), опубликованной только в электронном виде (см. <<http://www.a-goncharov.ru/article/152.html>> [дата обращения: 26.XI 2015. — Ред.]).

⁶ Между прочим, у Ильфа и Петрова мог быть, наряду с Вхутемасом, и другой ориентир — ГЭКТЕМАС. Государственные экспериментальные театральные мастерские носили имя Вс. Мейерхольда (так же, как сам театр). Не исключено, что, заменяя Мейерхольда на вавилонского царя, соавторы уподобляли своевольный «разгул» режиссера библейским пирам Валтасара.